

Л.С. Клейн

ДРЕВНЕЙШИЕ ПЕСНИ «ИЛИАДЫ»

Общий облик группы. Частотный анализ текста, поддержанный корреляцией и содержательным анализом, позволил разбить песни «Илиады» на три группы, названные — по преимущественно употребляемым в них этнонимам — «ахейской», «данайской» и «аргивской»¹. Эта разделенность говорит, по крайней мере, о трех различных источниках «Илиады», а есть в установленном расхождении особенностях, которые побуждают считать его более глубоким и предполагать различное авторство этих частей поэмы. Но авторов было не три, а больше, потому что в выделенных частях намечается дальнейшее членение.

В частности, занявшись специально «ахейскими» песнями «Илиады», я смог разделить эту группу надвое по признаку наличия или отсутствия Ахилла («ахилло-ахейские» и «сборно-ахейские» песни). Это членение подтвердилось распределенностью ряда формальных характеристик². Оказалось, что «сборно-ахейские» песни (II—IV, VI—VII) отличаются наибольшей в поэме густотой встречаемости термина «ахейцы» (51—70 на тысячу стихов против 11—27 в прочих «ахейских») и значительной, хоть и не столь большой, интенсивностью использования термина «аргивяне» (10,5—12,5 на тысячу стихов против 1,6—1,7). По обоим показателям исключение — VI песнь, которая, как установлено, наполовину выпадает из группы «ахейских». «Сборно-ахейские» песни отличаются также наибольшей оснащенностью термина «ахейцы» постоянными эпитетами, т.е. наличием формул, и наибольшей сгруппированностью этих эпитетов в формулы (иными словами, больше и повторимость одних и тех же эпитетов). Такая приверженность к формулам говорит об особой фольклорности поэтического текста этих песен. Наконец, в двух из этих песен — III и VII — архаичный предлог *πρότι* преобладает над производными от него и парным его синонимом *πρός*.

И наибольшая густота встречаемости термина «ахейцы», древнейшего из трех³, и архаичность предпочитаемого предлога, и особая фольклорность текста побуждают видеть в этих песнях древнейшие места «Илиады», самые ранние сохранившиеся в поэме части троянского эпоса. Особенно архаичны песни III и VII.

Содержание этих песен не противоречит такой трактовке. Основными героями в них выступают Аякс — он тут главный противник Гектора (в песни VII), и Парис — главный противник Менелая (в песни III). Аякс также фигурирует в Тейхоскопии (песнь III) и — первым — в кратком перечне подвигов, открывающем песнь VI, Парис — как отличный воин (а не трус) — в песни VI.

Парис, или, по более употребительному в «Илиаде» именованию, Александр, также и по формальным показателям — ранний образ в «Илиаде»: оснащенность имени Александра постоянными эпитетами — 47% от общего числа его упоминаний (тогда как у Приама — только 32%, а Энея — 18%)⁴. Как и многие ранние герои

¹ Клейн Л.С. Данайская Илиада // ВДИ. 1990. № 1.

² Он же. Ахейские песни «Илиады» // Фольклор и этнография. Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л., 1990. С. 212—231.

³ Он же. Гомеровские названия греков и Древний Восток // НАА. 1990. № 1. С. 56—57.

⁴ Он же. Илион и Троя // НАА. 1986. № 4. С. 113—116.

(Геракл, Эврит, Одиссей и др.), он — лучник, а не копейщик⁵. Это он, по мифологии, подал Менелаю повод для обиды, которая и вызвала Троянскую войну. Он и Ахилла убьет, а когда сам погибнет — только тогда, как предсказал оракул, падет Троя-Илион и война окончится. По хеттским документам, Александр (в документах Алаксандус) действительно царствовал в Илионе (Вилусе) в XIII в. до н.э.⁶, так что образ этот ко времени Гомера имел за собой давность в пять-шесть веков. Словом, по смысловому содержанию «сборно-ахейские» песни представляют собой, хоть и очень неполно, ядро троянского эпоса.

Великий Аякс с башенным щитом микенского облика, всегда пеший, всегда подвизается в поэме как одиночка-богатырь, а не как вождь отряда. Он явно вошел в «Илиаду» из более древних сказаний — к гомеровскому времени он и был чем-то вроде русского былинного богатыря⁷. В реальной жизни башенный щит исчез после XIII в.⁸ В «Илиаде» он встречается иногда и у других героев (Гектора, микенца Перифета), но Аякс единственный неразрывно с ним связан: он никогда не надевает панциря (при башенном щите ненужного)⁹. Башенный щит столь важен для образа Аякса, что отец героя назван Теламоном (древнее объяснение: от ремешка привязи, на которой носился такой щит), а сын героя назван Эврисаком (букв.: «широким щитом»).

В «Илиаде» щит лишь описан. Собственного названия такой щит в «Илиаде» не имеет. В Гомеровском эпосе фигурируют два названия для щита: «сак» (σᾶκος) и «аспида» (ἀσπίς). Первое употреблялось для щита, именуемого в археологии дипилонским — продолговатого, с боковыми вырезками, второе — для небольшого круглого щита с омфалом¹⁰. Щит первого типа к гомеровскому времени уже вышел из употребления и жил лишь в изобразительном искусстве и фольклоре, а в быту функционировал только щит второго типа¹¹. Так вот, щит Аякса всегда (а Ахилла почти всегда) именовался первым термином¹², т.е. башенный щит был терминологически заслонен дипилонским — тоже, хотя и менее, архаичным.

Из всех героев «Илиады» Аякс преимущественно называется μέγας (большой, великий) и, что особенно важно, τελωριός (исполинский), причем последний эпитет применен в эолийской форме (в ионийской — τελωρ). Слово τελωρ — в греческом языке в основном характеризует богов и древних исполинов¹³. Судя по формальным показаниям, в эпос Аякс вошел все-таки позже Александра: оснащение его имени постоянными эпитетами в «Илиаде» составляет 31% от общего числа его упоминаний¹⁴ (впрочем, в другой статье я укажу возможность корректировки этого показателя в сторону повышения, т.е. удревления возраста).

Итак, и фигура Аякса, по крайней мере хронологически, может принадлежать к ядру Троянского эпоса.

⁵ *Bethe E.* Homer. Dichtung und Sage. Bd 1. Ilias. Lpz.-B., 1914. S. 246—247.

⁶ *Kretschmer P.* Alaksandus, König von Vilusa // *Glotta*. 1924. Bd 13. S. 205—213; *Güterbock H.G.* Troy in Hittite texts? Wilusa, Ahhiyawa, and Hittite history // *Troy and the Trojan War*. Brynn Mawr, 1986. P. 33—44.

⁷ *Mulder D.* Die Ilias und ihre Quellen. B., 1910. S. 35—37; *Mühlh P.* von der. Der große Aias. Basel, 1930; *Webster T.B.L.* From Mycenae to Homer. L., 1958. P. 101—102, 115, 130.

⁸ *Börcherhardt H.* Frühe griechische Schildformen // *Archaeologia Homerica*, Bd 5 (Kapitel E, Teil I, II). Göttingen, 1977. S. 6—17, 25—27. Abb. 8.11.

⁹ *Page D.L.* History and the Homeric Iliad. Berkeley — Los Angeles, 1959. P. 234, 272. Not. 47.

¹⁰ *Lippold G.* Griechische Schilde // *Munchner Archäologische Studien der Andenken A. Furtwänglers gewidmet*. 1909. S. 451; *Nierhaus R.* Eine frühgriechische Kampfform // *Jahrb. des Deutschen Archäologischen Instituts*. 1938. Bd 53. S. 90—113.

¹¹ *Trumphy H.* Kriegerische Fachausdrücke im griechischen Epos. Untersuchungen zum Wortschatz Homers. Basel, 1950. S. 20—25; *Yaluris N.* Mykenische Bronzeschutzwaffen // *Athenische Mitteilungen*. 1960. Bd 75. S. 60—67.

¹² *Webster.* Op. cit. P. 101—103.

¹³ *Mühlh.* Op. cit.

¹⁴ Для подсчетов здесь и далее (см. табл. 1) общие количества упоминаний взяты из указателя А. Геринга (*Gehring A.* Index Homericus. Lpz., 1891), а числа повторяемых эпитетов — из указателя Г. Эбелинга (*Ebeling H.* Lexicon Homericum. I—O. Lipsiae, 1885—1889), с поправками по тексту (у Эбелинга эпитеты в X, 110 и 175 ошибочно отнесены к великому Аяксу, тогда как они характеризуют его меньшего тезку).

Однако это ядро Троянского эпоса весьма далеко от основного сюжета «Илиады», связанного с приключениями Ахилла. Более того, «сборно-ахейские» песни названы мною так потому, что вообще в поэме не образуют единого сюжета. Две из них, наиболее цельные и схожие по содержанию — III и VII — описывают поединки Париса с Менелаем и Гектора с Аяксом, совершенно несогласуемые друг с другом, исключают друг друга: по условию первого поединка им решался итог войны, и условие это было нарушено — как же после этого мог состояться второй поединок, да еще и окончиться рыцарским обменом дарами?!¹⁵ Каталог кораблей, составляющий значительную часть песни II, по доводам многих аналитиков, плохо укладывается во II песнь, представляет собой вставку в эту песнь и в поэму вообще (или, по крайней мере, содержит много вставок)¹⁶. Предшествующий эпизод — Обманливый сон и Испытание войск (первая половина II песни) — не является логическим продолжением I песни, непонятен сам по себе (видимо, видоизменен) и не находит продолжения в дальнейшем¹⁷. Включенный в песнь III небольшой Обзор со стены (Тейхоскопия) и завершающий песнь IV Смотр войск (Эпиполесис) по функции в известной мере параллельны Каталогу кораблей: все это своего рода каталоги, перечни, предоставляющие автору (или авторам) возможность описать по порядку действующих лиц¹⁸.

Почти обо всех этих эпизодах высказывались подозрения, что они переставлены в «Илиаду» из более ранней поэмы, описывавшей начало Троянской войны: именно в такой поэме были уместнее каталоги и поединки вождей, решавшие спор; там были понятнее первое лицезрение ахейских вождей Приамом, перечисление прибывших кораблей (ведь война шла уже давно на суше) и т.п. В качестве такой более ранней поэмы назывались пересказанные у Прокла и Аполлодора «Киприи» или их прообраз (Пра-Киприи).

Но вне зависимости от привязки к началу войны и неуместности этих эпизодов в «Илиаде» вся группа «сборно-ахейских» песен в основном совпадает с той почти сплошной частью текста поэмы, которая издавна изымалась аналитиками из «Илиады» ввиду того, что в ней действие отступает от главной сюжетной линии: забыто обещание Зевса Фетиде отомстить за обиду Ахилла и послать поражение ахейцам, забыт и сам Ахилл¹⁹. Некоторые аналитики еще в прошлом веке предполагали, что это *куски старого эпоса*, включенные в «Илиаду» на каком-то этапе ее существования²⁰, и А. Фик назвал этот эпос (взяв название из «Одиссеи») «Участь Илиона» (Οἴτος Ἰλίου)²¹. Теперь эти предположения получили независимое и достаточно объективное подтверждение.

2. *Первый поединок «Илиады»*. Оба поединка — Париса с Менелаем (III песнь) и Гектора с Аяксом (VII песнь) — плохо умещаются в «Илиаду», хотя и не совсем чужды ей; они несогласуемы друг с другом, хотя чем-то связаны, по крайней мере схожи.

¹⁵ Bergk Th. Griechische Literaturgeschichte. Bd I. B., 1872. S. 570—571; Naber S.A. Quaestiones Homericae. Amsterdam, 1877. P. 153; Niese B. Die Entwicklung der homerischen Poesie. B., 1882. S. 73—74.

¹⁶ Niese B. Der homerische Schiffskatalog als historische Quelle betrachtet. Kiel, 1873; Jacoby F. Die Einschaltung des Schiffskatalog in die Ilias // Sitzungsber. der Preuss. Akad. der Wiss. Philol.-Hist. Kl. 1932, S. 572—617; Jachmann G. Der homerische Schiffskatalog und die Ilias. Köln-Opladen, 1958; Giovannini A. Etude historique sur les origines du Catalogue des Vaisseaux. Berne, 1969.

¹⁷ Wilamowitz U. Die Ilias und Homer. 2. Aufl. B., 1920. S. 514; Mühl P. von der. Die Diapira in B der Ilias // Museum Helveticum. 1946. Bd III. S. 197—209; Kullmann W. Die Versuchung der Achäerheeres in der Ilias // Ibid. 1955. Bd XII. S. 253—272.

¹⁸ Schwartz F.L. Über die Böotia des Homers namentlich in ihrem Verhältnis zur Composition der Ilias (Programm-Abhandlungen des Ruppiner Gymnasiums pro 1871). Neu-Ruppin, 1871. S.8.

¹⁹ Grote. History of Greece. 2nd ed. V. II. L., 1849. P. 267—268; 530, 539; Жебб P. Гомер. СПб., 1882. С. 186; Beloch J. Griechische Geschichte. Bd I. Strassburg, 1893. S. 137.

²⁰ Müller W. Homerische Vorschule. 2. Aufl. Lpz., 1824. S. 122; Düntzer H. Homer und der epische Kyklos. Köln, 1939. S. 59—64; idem. Das dritte bis siebente Buch der Ilias als selbständiges Gedicht // Jahrbücher für classische Philologie. Suppl. II. 1856. S. 387—414; Friedländer L. Die Homerische Kritik von Wolff bis Grote. B., 1853. S. 29—30, 62—68; Jacob A. Die Entstehung der Ilias und der Odyssee. B., 1856. S. 152—153.

²¹ Fick A. Die homerische Ilias. B., 1886. S. 236.

Первый из них возникает в сюжете внезапно и неподготовленно. Дело шло к разворачиванию общего сражения двух армий, и вдруг все оборвано, полная перемена намерений — поединок! Едва не окончивший войну миром, он мог состояться только «попущением» богов — как их промах. Ведь прекращение войны сорвало бы план Зевса, обозначенный в поэзии (I. 5), — облегчить бремя Земли и уменьшить чересчур-разросшееся человечество²². Более того, скорый мир превратил бы в ничто обещание громовержца Фетиде покарать ахейцев поражением за то, что обидели Ахилла²³. Только что Зевс обманывал Агамемнона несбыточным сном, суля ахейскому вождю немедленную победу, чтобы втянуть его в опасное для него сражение. И что же, зря? Трудно поверить, чтобы это очень уж затейливое уклонение в сторону от сюжета было заранее запланировано певцом.

В последующем тексте «Илиады» певец излагает дело так, будто поединка Париса с Менелаем в ней не было.

Когда в VI песни Гектор приходит на побывку в Трою, жены и дочери троянцев уже по дороге жадно расспрашивают его о своих родных и друзьях, но ни они, ни мать Париса Гекуба совершенно не интересуются итогами поединка Париса с Менелаем, а ведь что там произошло, им неизвестно. Когда далее Гектор является к Парису и застаёт его за чисткой оружия, он также не спрашивает брата о том, как тот после поединка попал домой²⁴. Он ни словом не упрекает брата за бегство с поля боя, а это было бы так уместно в речи, полной попреков!

На этом свидании Парис сообщает Гектору, что еще до его упреков решил идти на поле брани, оставив свой гнев на троянцев, потому что его убедили ласковые слова жены. Странно. Гневаться на троянцев ему еще не за что: выдать Елену они еще не предлагали — это будет только в VII песни²⁵, в Тейхомахии, правда, старцы мечтали об удалении Елены в Элладу, но тогда это было согласно с предложением самого Париса — выдать Елену, если проиграет поединок. Ласковых слов Елены тоже не было: Елена встретила Париса, бежавшего с поединка, попреками и проклятиями: «О лучше б, несчастный, навеки погиб...» (III. 428). И не рекомендовала выступать против Менелая: «Не советую: лучше мирно покойся... страшись, да его конием укрощен ты не будешь!» (III. 433—436). Где же тут поощрение к бою?²⁶

Так что, видимо, поединка Париса с Менелаем первоначально в «Илиаде» действительно не было.

Некоторые конкретные особенности этого поединка говорят не только о том, что он был чужд «Илиаде», но и что был включен в нее со стороны, в готовом или почти готовом виде. Любопытно, как в этой сцене задействован Приам. Перед началом поединка Приам далеко, в Трое. Расстановка участников происходит без него. Клятвы могли бы состояться тоже без него: ведь идея поединка принадлежит его сыновьям, а из них Гектор пользуется общим уважением, и нет никаких оснований считать его вероломным. Но Агамемнон требует, чтобы скрепляющее клятву жертвоприношение совершил вместо сыновей сам Приам (105), так как сыновьям его ахейский вождь не доверяет. Приам приезжает на колеснице. Для заклятия требуются три агнца: белый — Солнцу, черный — Земле и третий, цвет которого не указан, — Зевсу (103—104). Гектор велит принести троянских агнцев, одного агнца доставляют и ахейцы.

Но когда пришла пора совершить жертвоприношение, агнцев окажется только два — куда же подевался третий? Обоих оставшихся в наличии зарезал сам Агамемнон (292—293) — зачем же вызывали Приама? Шерсть, срезанная с голов агнцев, разделена «меж избранных троян и ахеян» (297) — Приам среди них не отмечен. В речи, с которой Приам после обряда обратился к народам (304—309), нет

²² Kullmann W. Ein vorhomerisches Motiv im Iliasproömium // *Philologus*. 1955. Bd 99. S. 167—192.

²³ Niese. *Die Entwicklung...* S. 17.

²⁴ Schömann G. *De reticentia Homeri*. Greifswald, 1853. S. 6—7; Niese. *Die Entwicklung...* S. 73; Шестаков С.П. О происхождении поэм Гомера. Вып. II. О происхождении Илиады. Казань, 1898. С. 179.

²⁵ Erhardt L. *Die Entstehung der homerischen Gedichte*. Lpz, 1894. S. 99—100.

²⁶ Schömann. *Loc. cit.*

ни слова клятвы — он лишь сообщил, что удаляется, чтобы не видеть поединка, так как ему тягостно это зрелище. Почему-то и забытых агнцев увез с собой. Чрезвычайно несуразный рассказ!

Еще К. Лахман высказал соображение, что Приам здесь первоначально не участвовал²⁷. Но Лахман не сумел объяснить путаницу с количеством агнцев, и правильная догадка не произвела должного впечатления. Именно в количестве агнцев кроется ключ к разгадке. Если предположить отсутствие Приама, то все очень хорошо объясняется — и количество овец также.

Приама не было при поединке изначально, поэтому, чтобы певцу не переделывать описание поединка (лишняя работа), Приам должен был уехать до начала поединка. Не было Приама прежде и при клятвах — поэтому он и не приносит клятвы и не совершает обрядов. Отсюда же и несогласование в числах агнцев. Агамемнон заклал двоих — очевидно, белого (Солнцу) и черного (Земле). А третий, так сказать, бесцветный, появился в тексте о приглашении Приама только для того, чтобы и Приаму было кого принести в жертву, коль скоро уж его пригласили. Первых двух агнцев доставили по велению Гектора троянцы — видимо, потому что предложение исходило от них, им надлежало приносить клятву, им и заботиться о ее материальном обеспечении. А вот третьего велел принести Агамемнон: коль скоро он выдвинул идею пригласить Приама, он и позаботился о третьем агнце.

Но как часто бывает при вставках, усовершенствование прежнего текста не довели до конца — сцену с закланием агнцев Приамом упустили ввести. Он так и уехал, ничего не свершив. Дж. Кёрк в своих «Комментариях» заметил, что скелеты жертв были у греков священными и обычно выбрасывались в море. Зачем же Приам увез трупы агнцев в город? Чтобы съесть? Невозможно. Похоронить? Но почему в городе? Комментатор оставил это без ответа²⁸. Я думаю, что певец заставил Приама увезти трупы агнцев просто затем, чтобы хоть как-то оправдать его приезд на обряд жертвоприношения.

Для чего к эпизоду поединка был притянут Приам? Тут возможно двойное объяснение. Либо певцы пытались теснее соединить таким способом поединок с поэмой, сгладить шов между ними, либо с помощью Приама хотели гладко ввести в ее текст Тейхоскопию (Обзор со стены), нужную для представления героев в этом близком к началу поэмы месте и для напоминания перед поединком о Елене, за которую воюют его участники. Если верна первая альтернатива, то ясно, что Приам введен в песнь о поединке раньше включения поединка в поэму. Если верна вторая, то возможно и более раннее присоединение Приама: ведь и поединок и Тейхоскопия, похоже, взяты из начала всей эпопеи, из песен о начале войны.

Однако присмотримся к Тейхоскопии, к череде ахейских героев в ней. В этой череде есть все те войны-вожди (и только те!), которые выступают в первой песни «Илиады» — в ссоре вождей. И они перечислены Еленой в том же порядке, какой они занимали в первой песни, если судить по их сравнительной важности в ее сюжете или, если выразить это формально, по частоте их упоминания там. В I песни Агамемнон — 30 раз, Одиссей — 5, Аякс — 2, Идомей — 1. Неоднократно упоминаются еще Ахилл, Нестор и Патрокл, но первый устранился от боев и не присутствует на поле брани (т.е. троянцы его и не могут увидеть), второй стар и нечасто появляется на этом поле, а третий — вообще не царь, не самостоятельная фигура. Сопоставим с этим перечень Елены в Тейхоскопии: Агамемнон, Одиссей, Аякс, Идомей. Полное тождество двух списков, точно совпадает и последовательность героев. Вывод: Тейхоскопия сформирована или очень сильно подработана с ориентировкой на I песнь «Илиады». Следовательно, и образ Приама в ней оформлен как образ (получил свои речи, а с ними и характеристики) после включения в «Илиаду». Соответственно — и роль Приама в эпизоде клятв. Итак, в любом случае Приам в этом эпизоде присоединен к поединку после появления того в «Илиаде».

²⁷ *Lachmann K.* Betrachtungen über Homers Ilias. 2. Aufl. B., 1865. S. 14—16.

²⁸ *Kirk G.S. (Ed.)*. The Iliad: a commentary. V. 1. Cambr., 1985. P. 310.

Теперь обратимся к окончанию поединка. Как перед поединком шов от соединения его с контекстом закрывает собой Приам, так после поединка в текст вводится Афродита — видимо, с аналогичной функцией: закрыть шов с противоположного края. Она спасает Париса от поражения и возвращает действие к исходной ситуации. Это прием, обычный для адаптации вставок к тексту.

Но введение богини тоже сделано не очень ловко. Менелай, избивая Париса, уже лишился всего своего оружия: копье застряло в щите и броне Париса, а меч, угодив на бляху шлема, разломился на три-четыре куска. Менелай сетует на Зевса: «Не могу поразить я!» (355—368). Тут происходит нечто неожиданное и несуразное для схватки в «Илиаде» (больше такого нет ни в одной из многочисленных схваток): ухватив Париса голыми руками за шлем, Менелай повлек противника к ахейцам, а Парис, у которого в руках остался меч, ничего не предпринимает, чтобы освободиться от безоружного врага. Вмешивается Афродита — магической силой разрывает подбородочный ремень у шлема, шлем остается в руке Менелая, который его отбрасывает. После чего Менелай замахивается невесть откуда взявшимся у него новым копьем, но Париса, покрыв его темным облаком, похищает с поля боя Афродита.

Еще А. Бишоф заметил, что здесь средства окончания поединка нагромождены одно на другое. Налицо излишество, столкновение средств с одинаковой функцией. Коль скоро Менелай уже безоружен и покарать Париса ему не удалось, то к чему выход Афродиты на сцену? Парис и так может по меньшей мере спокойно уйти с поля боя. Если же его должна спасти Афродита, то к чему было певцам лишать Менелая оружия, передавать его крик отчаяния, уменьшать спасительную роль богини?²⁹ Конечно, это не единый текст. Как оканчивался поединок в оригинальном тексте, мы не знаем. Но в «Илиаде» бегство вооруженного Париса с поля боя от безоружного Менелая невозможно, каким бы трусом Парис ни был (а он не такой уж и трус). Значит, певцам оставалось придать Менелая силу и удачу, вложить ему в руку снова оружие, а Париса спасти чудесным образом — вмешательством богини.

Искусственное внедрение поединка в текст «Илиады» видно и по вооружению Париса. Перед вызовом Менелая на битву Парис уже вооружен: «С кожей парда на раме, с луком кривым за плечами и с мечом при бедре; а в руках два копья (!) медножальных» (17—18). Менелай тоже: «Быстро Атрид с колесницы с оружием прынул на землю» (29). Однако после клятв оба вооружаются вторично, хотя не было сказано, что они складывали с себя оружие. Теперь Парис одолжил доспех у своего брата Ликаона (видимо, своего доспеха он как лучник не имел³⁰). Надел шлем, наложил на ноги поножи, опоясался мечом, захватил щит и взял в руку тяжелое копье (теперь уж одно!). Так вооружался и Менелай (328—329): для поединка требовалось равное вооружение.

В поединке они выпустили по копью каждый, а затем Менелай изломал свой меч о шлем Париса. И тогда он сорвал с Париса шлем и замахнулся копьем — тут оказывается, что у Менелая было второе копье. Откуда? По условиям поединка взяться ему неоткуда.

Объяснить эти смены оружия можно только столкновением текста и контекста. Гоговий поединок, включенный извне в поэму, начинался, естественно, с вооружения героев и обрывался на неудаче Менелая, потерявшего свое оружие, но так и не добившегося победы. В «Илиаде» же поединку предшествовало предварительное столкновение героев, завершившееся вызовом. Герои этой ситуации были уже вооруженными! Так получилось двойное вооружение героев.

Особенно интересен характер вооружения на разных этапах. В самом поединке (и, следовательно, в той песни, откуда он взят в «Илиаду») изображен комплекс тяжелого вооружения — это ранний комплекс («комплекс А», по К. Хекману), впоследствии восстановленный гоплитами. А в том обрамлении, которым поединок был включен,

²⁹ Bisschoff A. Über die homerische Götterdichtung // Philologus. 1874. Bd 34. Ht 1. S. 7—8.

³⁰ Dahms R. Ilias und Ahilleis. Untersuchungen über die Komposition der Ilias. B., 1924. S. 15.

вписан в «Илиаду», действует другое вооружение («комплекс В») — без доспехов и с парой копий-дротиков вместо одного тяжелого копья³¹. Вот откуда второе копье у Менелая в конце поединка. Таким образом, обрамление поединка моложе его вошедшего в поэму готовым (или почти готовым) ядра.

3. *Два поединка: основа параллельности.* Заметное сходство обоих поединков — Париса с Менелаем и Гектора с Аяксом — указали еще А. Хольм и Г. Генц, писал об этом Э. Бете, сейчас пишут Дж. Кёрк и Ж.М. Дюбан³². В обоих поединках вызов исходит с троянской стороны, оба троянских инициатора — сыновья царя, оба раза они терпят поражение, но оба раза не погибают. Много сходства и в проведении поединков.

К. Кайзер и Г. Кёхли определили VII песнь как подражание III песни³³. Для установления этого они применили методiku, которой в XIX в. пользовались многие: Г. Герман, В. Крист, К. Зиттль, А. Гемолль и др.³⁴ Из повтора пассажей эти исследователи заключают о заимствовании стихов, а из большего или меньшего соответствия повторяемых мест контексту делают выводы, откуда куда шло заимствование. Слабость этой методики была показана рядом критиков, особенно резко Дж. Скоттом: сторонники такого вылавливания заимствований игнорировали возможность третьего их источника, а также общего фонда заготовок, не учитывали готовность певцов порой мириться с некоторой неадекватностью стихов контексту и иной раз не могли объяснить противоречия в выводах, сделанных этой методикой при анализе соседних совпадений. В соответствии с этим Г. Дюнцер и Г.Х. Беникен отвергли выводы Кайзера и Кёхли³⁵. Беникен считал, что точные текстуальные совпадения ряда мест III и VII песен основаны не на заимствовании стихов из одной песни в другую, а на общем фонде стихотворных заготовок, которым пользовались певцы обеих песен. Этим высказыванием Беникен в известной мере предвосхитил позднейшие идеи К. Роте, А. Шоуэна и др.³⁶ Однако пусть общие идеи и хороши, их не следует превращать в абсолютное отрицание метода: есть ведь просто разительные случаи, выходящие за рамки всяких предположений о терпимости певца к неадекватности выражений, есть количественные нагромождения (нельзя не считаться с резким различием на чашах весов)³⁷. И еще тогда, до работ Роте и Шоуэна, встретив у Беникена первые ростки тех же идей и те же негативные выводы о методике, К. Генце выступил против абсолютизации этих идей. В конкретном приложении к интересующему нас случаю (к сопоставлению III и VII песней) К. Генце подверг постулат Беникена резонным ограничениям³⁸.

Он разделил все повторы формул, связывающие III и VII песни, на *общеупотребительные* и *специфические*. Общеупотребительные — это те, которые ныне благодаря исследованиям М. Пэрри и его учителей М. Мейе и Дж.М. Колхауна

³¹ Höckmann C. Lanze und Speer // Archaeologia Homerica. Bd I. Kapitel E. Teil 2. Abt. X. Göttingen, 1980. S. 302, 315—319.

³² Holm A. Ad Caroli Lachmanni exemplar de aliquot Iliadis carminum compositione quaeritur. Lübeck, 1853. P. 6—7; Genz H. Zur Ilias. Sorau, 1870. S. 26; Bette E. Homer. Dichtung und Sage. Bd I. Ilias. Lpz — B., 1914. S. 215; Kirk G.S. The formal duels in books 3 and 7 of the Iliad // Fenick B.S. (ed.). Homer, tradition and invention. Leiden, 1978. P. 19—40; Duban J.M. Les duels majeurs de l'Iliade et le langage d'Hector // Les Études classiques. 1981. V. XLIX. P. 97—124.

³³ Kayser K.L. De interpolatore Homeri. Heidelberg, 1842. P. 5—24; Koehly H. De Iliadis carminibus dissertatio. V. Turici, 1858. P. 5—6.

³⁴ Hermann G. De iteratis apud Homerum. B., 1840; Christ W. Die Wiederholungen ähnlicher und gleicher Verse in der Ilias // Sitzungsber. der Bayer. Akad. 1880. S. 221—272.

³⁵ Düntzer H. Homerische Abhandlungen. Lpz, 1872. S. 272—280; Benicken H.K. Die Literatur zum sechsten Liede vom Zorne des Achilleus. Teil I — Rastenburg, 1883; Teil II — 1884.

³⁶ Rothe K. Die Bedeutung der Wiederholungen für die homerische Frage // Festschrift zur Feier des 200 jährigen Bestehens des Französischen Gymnasiums. B., 1890. S. 123—168; Calhoun G.M. Homeric repetitions. Berkeley, California, 1933.

³⁷ Pfuëdel E. Die Wiederholungen bei Homer. I. Programm der Ritter-Akademie zu Liegnitz, 1891; Cauer P. Grundfragen der Homerkritik. 3. Aufl. Hfte 2. Lpz, 1923. S. 610—611.

³⁸ Hentze C. Anhang zu Homers Ilias / Hrsrg. von K.F. Ameis. 2. Aufl. Ht III. Lpz, 1887. S. 14—15.

поняты как фольклорные стереотипы. Среди них не только отдельные формулы, но и целые сцены, для описания которых накапливались в фольклоре типичные ходы композиции, сюжетные мотивы и нормы, целые наборы формул. Анализ таких сцен дали Г. Йордан, В. Аренд, Б. Феник, М. Эдвардс и др. Специфические же повторы связывают между собой только отдельные места эпоса, резко выпадающие из общепотребительного материала и потому говорящие о творческих результатах отдельного певца (такие ведь отнюдь не исключаются в фольклоре) и о деятельности его подражателей. Дюбан показывает, что к таким нетипичным, нетрадиционным боевым сценам относятся «великие поединки» III, VII и XXII песней³⁹, а из них две первых особенно близки между собой. Таким образом, стремление Генце установить в них, откуда куда шло заимствование, правомерно.

К повторам первого вида Генце отнес сходства в пассажах, описывающих вызов, молитву, боевые операции (III. 20 = VII. 40; III. 318—319 = VII. 177—178; III. 355 = VII. 244; 348 = VII. 259; III. 356—360 = VII. 250—254). Можно было бы добавить сюда авторские представления речей и молитвенные обращения (III. 95—96 = VII. 398—399 ≈ X. 218—219; III. 276 = 320 = VII. 202 = XXIV. 308). Все эти повторы могут быть и заимствованиями, но гарантий этого нет. А вот повторы второго типа специфичны для этих двух песен (III. 68 = VII. 49; III. 76—78 = VII. 54—56; III. 85—86 = VII. 66—67; III. 316 = VII. 176; III. 318—319 = VII. 177—178; III. 324—325 = VII. 191—192). Специфичность этих сходств подчеркивается сходством композиции: в обеих песнях приглашение к перемирию ради поединка, подготовка и проведение его — все это передается схожими стихами. А между бросанием жребия в шлем и потряхиванием шлема при жеребьевке в обоих случаях помещены молитвы героев.

Определяя направление заимствований, Генце следует своим предшественникам. Как уже сказано, это были Кайзер и Кёхли, но наиболее весомые наблюдения были сформулированы Т. Бергом и особенно В. Кристо. После их работ многие аналитики признали, что песнь III послужила образцом для создания песни VII.

Крист заметил, что в ряде повторов (Генце позже отнесет их к специфическим) в III песни дано полное, живое и логичное изображение, а в VII то же повторено неловко и неестественно.

В III песни перед началом поединка общее сражение еще не вспыхнуло, тем не менее Агамемнон должен был удерживать ахейских воинов от нападения на Гектора, вышедшего из рядов для объявления о вызове и предложениях Париса. А в VII песни в самый разгар сражения Гектор не задумался остановить и усадить своих воинов, Агамемнон же запросто «удержал меднобронных данаев». Далее, в III песни все уселись не сразу после выхода Гектора (77), а лишь после целого ряда событий — его объявления, ответа ахейцев, принесения клятв, совершения обрядов и жеребьевки — только тогда они уселись (326), и это выглядит реалистично. В VII же песни стоило Гектору выйти на середину и «спнуть фаланги троянские» (55—56), как все тотчас уселись (56—57). Тут певец не воображал и не изображал, а просто сухо отметил событие, скользя по деталям и не задаваясь правдоподобием. Детали взяты из подробного описания, но выбор и последовательность их не продуманы⁴⁰. В III песни Гектор просит внимания у троянцев и ахейцев и затем предлагает им согласиться на поединок. В VII песни он просит внимания опять же у троянцев и ахейцев, но согласиться уговаривает уже только ахейцев. Зачем же было обращаться к тем и другим? Незачем. Просто обращение «Трои сыны и ахеяне храбрые» было взято из песни III, где оно уместно, и поставлено в VII песни в контекст, которому оно не соответствует. Наконец, в III песни Гектор высказывает свое восхищение (76) смелым решением Париса вызвать Менелая на поединок. В песни VII Гелен, услышав волю богов, посоветовал Гектору предложить поединок ахейцам, и Гектор снова восхитился

³⁹ Duban. *Loc. cit.*

⁴⁰ Christ W. von. *Homeri Iliadis carmina...* Lipsiae, 1884. I. Prolegomena. P. 38—39, 49, 52, 54—55, 82, 85—87.

услышанной речью, хотя восхищаться тут, собственно, нечем: Гелен никакого смелого поступка не совершил, только передал волю богов.

Бете учитывает эти аргументы, но полагает, что заимствование могло иметь место внутри творчества одного и того же автора: спев одну песнь, он затем использовал найденные для нее выражения во второй аналогичной песни, хоть они и меньше к ней подходили⁴¹. Однако такому предположению противоречит смысловая несовместимость обеих песен, обоих поединков: поединка на условиях выдачи Елены и второго — без всяких условий при невыполненных условиях первого. Конечно, в конце концов оба поединка все же оказались в одной поэме, и в VII песни есть невинтное полуизвинение Гектора: «наших клятв высокоцарящий Кронион не дал нам исполнить» (69) — единственное упоминание о первом поединке, попытка примирить несовместимое. Но если составитель мог свести в одной поэме обе песни и даже как-то попытаться подладить вторую к наличию первой, то совершенно немисливо представить себе, чтобы один и тот же творец создал вторую песнь как продолжение первой, сочинял второй поединок, зная, держа в памяти, что первый поединок шел за Елену и что Елена выдана не была.

Откуда же взялась идея второго поединка? Чем определен выбор противника Гектору — почему им оказался Аякс, а не Диомед или, скажем, Агамемнон? Противник Парису был предопределен сюжетом — это его соперник в борьбе за Елену Менелай. Но аналогичным соперником Гектору был бы скорее Агамемнон — как и Гектор, брат участника первого поединка и командующий войском. Вместо этого — Аякс.

Чтобы разобраться в этих вопросах и понять VII песнь, нужно сначала рассмотреть предшествующую.

4. *Преждевременное прощание?* В аналитической литературе давно уже высказывались подозрения, что песнь VI сформирована из двух разнородных частей: одна — Шествие троянок, другая — Свидание Гектора с женой и братом (т.е. включая Прощание с Андромахой)⁴². Это разделение полностью подтверждается проделанным мною анализом: по одним формальным параметрам, эта песнь принадлежит к «данайской» группе, а по другим — к «сборно-ахейской», причем эти проявления поляризуются в двух названных частях песни: «данайские» признаки — в Шествии троянок, «ахейские» — в Свидании⁴³. В Шествии троянок главным героем ахейцев называется Диомед, что и вообще характерно для «данайских» песен, в Свидании же у ахейцев на первом месте Аякс. Для «сборно-ахейских» песен характерна высокая насыщенность текста постоянными эпитетами при слове «ахейцы», для «данайских» — слабая. Песнь VI имеет при слове «ахейцы» всего дважды постоянные эпитеты, но примечательно, что оба они — во второй части песни, в Свидании (VI, 454 и 527).

Свидание Гектора с женой и братом принадлежит к «сборно-ахейской» группе. Сходства с другими «сборно-ахейскими» песнями есть. Перечень героев, названных Андромахой, близок к составу участников собрания в Испытании войск (II, 405—409), перечнем вождей в Обходе войск (IV, 220—421) и ахейских добровольцев Поединка с Гектором (VII, 161—169). Правда, он близок и к списку героев, с которого начинается аристия Тевкра, брата Аякса, в VIII песни, а это песнь «данайская», но аристия Тевкра выделяется из текста VIII песни и, возможно, является там вставкой. В частности, ахейские герои, упоминаемые там в списке, только названы, но не действуют⁴⁴.

Почти все аналитики единодушно отмечают, что Свидание Гектора с родными (включая Прощание с Андромахой) не согласуется с *предшествующими* песнями (особенно с III) и еще более противоречит *последующим* (особенно VII).

⁴¹ *Bethe*. Op. cit. S. 221—223.

⁴² *Bethe E.* Hektors Abschied // *Abhandlungen der Sächs. Gesellschaft der Wiss. Philol.-hist. Kl.* Bd XVII. № 12. Lpz., 1909. S. 413—442.

⁴³ *Клейн*. Данайская Илиада. С. 26 слл.

⁴⁴ *Wilamowitz*. Die Ilias und Homer. S. 47—49.

С предшествующими она не вяжется в обрисовке Париса: он тут не изнеженный баловень и не трус, а герой, от которого зависит спасение троянцев на поле боя, но который подобно Ахиллу воздерживается от битвы — то ли из-за гнева на троянцев, готовых выдать Елену, то ли из-за грустной обиды на них (VI. 335—336). Елена не стыдит его, как в III песни, а ласково ободряет. Это вполне соответствует древнему образу того Александра, который совершил два славных подвига: увел самую красивую женщину в мире (по представлениям раннего эпоса, на это способен только великий герой) и, выступив мстителем за брата, убил Ахилла⁴⁵.

В последующем развитии событий плохо реализуются роковые предчувствия Андромахи и Гектора. «Буду вдовой я, несчастная!» — ужасается она (VI. 409). «Но да погибну и буду засыпан я перстью земною прежде, чем плен твой увижу...», — отвечает он. — Но судьбы, как я мню, не избег ни один земнородный» (VI. 464—465). По художественной логике, эти предчувствия требуют близкой смерти Гектора, и уж во всяком случае свидание должно быть последним. «Ими заживо Гектор был в своем доме оплакан. Нет, они помышляли, ему из погибельной брани в дом не прийти, не избегнуть от рук и свирепства ахейян» (VI. 500—502). Простившийся с женой и сыном, предчувствующий смерть и заживо оплаканный, Гектор не должен вернуться с поля боя. Весь трагизм этой сцены теряется от благополучного возвращения Гектора домой в VII песни (307—310). Шиллер чувствовал это противоречие и в стихотворении «Прощание Гектора» сделал свидание предсмертным.

Многие критики искали способ сблизить Прощание (песнь VI) с Гибелью Гектора (песнь XXII). Они удаляли значительную часть поэмы между этими пунктами⁴⁶, или перемещали Прощание поближе к Гибели Гектора⁴⁷, или переносили Гибель Гектора ближе к Прощанию, предполагая, что она выпала, когда устроена так песнь была использована как источник «Илиады», а в песни XXII гибель Гектора описана заново, по другому источнику⁴⁸. Некоторые неонаналитики считают, что настроение последнего свидания проникло в VII песнь «Илиады» из образца, поскольку Прощание Гектора с Андромахой копирует-де сцену прощания Мелеагра с Клеопатрой в реконструируемой Мелеагриде (правда, от этой сцены нет никаких следов нигде, но раз Мелеагр расставался с Клеопатрой, то должна же была существовать и сцена прощания...) ⁴⁹.

5. *Гектор и Аякс*. Но оставим Прощание и присмотримся к ближайшей следующей песни — к VII, к Поединку Гектора с Аяксом, окончившемуся столь благополучно. Песнь состоит из десяти частей: 1) вступление троянских героев в бой; 2) мотивировка единоборства — совещание Афины с Аполлоном; 3) дублировка решения богов советом Гелена Гектору; 4) вызов Гектора и отклик только Менелая, а затем устыженных Нестором девяти ахейцев, из которых Аяксу выпал жребий; 5) единоборство Гектора с Аяксом, неудачное для Гектора; 6) спасение Гектора Аполлоном и мирное разрешение поединка, обмен дарами; 7) совет Нестора ахейцам похоронить мертвых и построить укрепления; 8) совет Антенора троянцам выдать Елену Менелая и отказ Париса; 9) заключение перемирия и погребение мертвых; 10) возведение стены.

В классических комментариях Генце — Амайза эти подразделения сгруппированы

⁴⁵ *Bethe*. *Hektors Abschied*. S. 435—441; *idem*. *Homer*. Bd I. *Die Ilias*. S. 246—250.

⁴⁶ *Naber*. *Op. cit.* P. 156—157; *Niese*. *Die Entwicklung...* S. 78—80; *Sortais* G. *Ilios et Iliade*. P., 1892. P. 100—102; *Ludwig* A. *Die Rhapsodien der Ilias A* — Σ in Bezug auf ihre Zusammensetzung // *Sitzungsber. der Böhmischen Gesellschaft der Wiss.* 1899. S. 9—10; *Wilamowitz*. *Op. cit.* S. 308, 312, 512—515; *Bethe*. *Homer*. Bd I. *Ilias*. S. 238—240, 244—245.

⁴⁷ *Meyer* E.H. *Indogermanische Mythen*. Bd II. *Achilleis*. B., 1887. S. 384—385; *idem*. *Homer und die Ilias*. B., 1887. S. 108—110; *Choise* M. *Histoire de la littérature grecque*. T. I. P., 1887. P. 132—133; *Jachmann* G. *Homerische Einzeliieder* // *Symbolae Colonienses* Jos. Kroll oblata. Köln, 1949. S. 1—70.

⁴⁸ *Шестаков* С.П. О происхождении поэм Гомера. Вып. II. О происхождении Илиады. Казань, 1891.

⁴⁹ *Kakridis* J.Th. *Homeric researches* (Skrifter utgivna av Kungl. Humanistiska Vetenskapssamfundet i Lund. V. XLV). Lund, 1949. S. 45—62.

по смысловым связям в три раздела⁵⁰, но для «анатомических» целей, предполагающих возможность различного состава песни, полезнее воздержаться от фиксации таких связей, которые могут быть вторичными по происхождению, наложенными уже после вхождения частей в поэму.

Первая из указанных частей представляет собой попросту продолжение песни VI и по сути могла бы относиться к ней⁵¹. Это несомненно для стихов 1—7, стихи же 8—16 могут относиться уже к следующей части, ибо в них упоминается царь Арейфой, присутствующий в речи Нестора в части четвертой (VII. 137—146). Последние четыре части (7—10), начиная со стиха 310 или 312⁵² (а речь может идти и о счете со стиха 323), аналитики рассматривали как особый раздел, не связанный с поединком, и нас этот раздел здесь не будет занимать.

В отношении оставшихся четырех частей (2—6), центральных, критика отмечала, что в них все обрамление единоборства поражает искусственностью⁵³.

Боги появляются у Гомера всякий раз, как нужно мотивировать неожиданный и странный поворот событий, но спешное прибытие Афины на помощь ахейцам особенно странно: они в данный момент не терпели поражения — подвиги троянских героев, перечисленных в ст. 8—16, слишком незначительны, чтобы ахейцам потребовалась помощь богов. Аполлон в заботе о троянцах стремится обеспечить им передышку, тогда как объективно в этом нет нужды: Парис и Гектор только вышли в бой и начали поражать ахейцев, так что не поединок нужен ради передышки, а перемирие ради поединка⁵⁴. Согласие между Афиной и Аполлоном еще более странно: они ведь поддерживали враждующие стороны. Гелен подслушал совещание богов и сообщил намерение богов Гектору, хотя не имел на то прямого поручения или хотя бы позволения богов. Причем он услышал, по замечанию Виламовица⁵⁵, даже то, чего боги не говорили, а именно — что Гектору не судьба умереть в этом бою («Слышал я голос такой небожителей» — VI. 52—53). По-видимому, сначала рассказ о поединке начинался советом Гелена, а совещание богов (тех самых, которые участвовали в песни V) добавлено позже, для лучшей связи с предшествующим повествованием⁵⁶. Наконец, странно, что к поединку герои приступают без торжественных клятв, скрепленных жертвоприношениями, а ведь перед тем, в тот же день, для поединка Париса с Менелаем такие формальности были исполнены.

Не менее странно и завершение поединка. Бой превращен в рыцарский турнир⁵⁷. Его прекращают вестники, мотивируя это наступлением ночи и тем, что оба бойца достаточно показали свою храбрость (как будто сражение велось ради этого!) и равную угодность Зевсу (что неверно: преимущество явно оказалось на стороне Аякса). Происходит даже обмен подарками. «Но разлучились они, примиренные дружбой взаимной» (VII. 302). Все это не соответствует ситуации, противоречит всему содержанию поэмы и никогда более не упоминается и не реализуется в «Илиаде». Еще Г. Финслер заметил, что такой обмен был бы хорошим завершением для отдельной песни, но непонятен в поэме, где оба героя продолжают встречаться в боях друг с другом⁵⁸.

⁵⁰ Hentze C. Anhang zu Homers Ilias / Hrsg. von K.F. Ameis. Ht III. 2. Aufl. Lpz, 1887. S. 4—5.

⁵¹ Köchly H. De Iliadis carmina dissertatio V. Lipsiae, 1858. P. 5—7; Genz H. Zur Ilias. Sorau, 1870. P. 26—28; Christ W. Homeri Iliadis carmina sejuncta discreta emendata. Lipsiae, 1884. I. Prolegomena. P. 11, 38—39, 54—55.

⁵² Hermann G. Praefatio ad: Homerus. Hymni et epigrammata. Lpz, 1806. P. VII—VIII; Lachmann K. Die Betrachtungen über Homers Ilias. 3. Aufl. B., 1874. (1. Aufl. — 1847). S. 23; Friedländer. Op. cit. S. 31. Anm. 2; Naber. Op. cit. P. 154; Brandt K. Zur Geschichte und Composition der Ilias // Neue Jahrbücher für classischen Philologie. Bd 137. 1888. S. 82.

⁵³ Hentze. Op. cit. S. 12—13, 19.

⁵⁴ Caer P. Grundfragen der Homerkritik. 3. Aufl. Lpz, 1921. S. 286.

⁵⁵ Wilamowitz. Op. cit. S. 314.

⁵⁶ Holm A. Ad Caroli Lachmanni exemplar de aliquot Iliadis carminum compositione quaeritur. Lübeck, 1853. P. 6—9.

⁵⁷ Wilamowitz. Op. cit. S. 314.

⁵⁸ Finsler G. Homer. I. Der Dichter und seine Welt. 3. Aufl. Bd II. Lpz—B., 1924, S. 68, 72; также Mühl P. von der. Kritisches Hypomnema zur Ilias. Basel. 1953. S. 131.

Некоторое соответствие этот обмен дарами находит лишь вне «Илиады», в другой поэме Троянского цикла. По версии, переданной Софоклом (Aias. 658 sqq., 815 sqq.) и восходящей, вероятно, к «Малой Илиаде», Аякс проклинает меч, подаренный ему Гектором: этот меч принес ему одни несчастья, и этим мечом Аякс закололся. Поскольку никаких художественных функций обмен дарами в VII песни «Илиады» не несет и явно противоречит всему содержанию поэмы, весь этот обмен, вероятно, и был введен в поэму именно затем, чтобы реализоваться в «Малой Илиаде», введен с дальним прицелом — с расчетом на гибельную роль в судьбе Аякса.

У Софокла (Aias, 665) и Гектор пострадал, хоть и посмертно, от дара Аякса: его труп был привязан к колеснице Ахилла подаренным поясом. Однако в XXII песни «Илиады» эта деталь отсутствует. Поэтому У. Лиф считает, что оба дара — и меч, и пояс — приобрели роковое значение лишь в поздних легендах⁵⁹. Однако К. Фриис Йохансен распознал в изображении на геометрической ойнохойе середины VIII в. из Афин обмен дарами между Аяксом и Гектором, очень детально представленный⁶⁰. Поскольку сложение «Илиады» сейчас относят ко времени не ранее второй половины VIII в.⁶¹, а к тому же Аттику отделяет большое расстояние от малоазиатского очага Троянского эпоса, Йохансен считает, что изображение иллюстрирует не «Илиаду», а более раннюю отдельную песнь типа киклической, использованную как источник «Илиадой». Это означало бы, что симметрию в разработку даров ввел Софокл, а в киклических поэмах роковым был только меч (возможно, однако, что Гомер, как известно, чуждый мистике, опустил мистическую роль даров).

Киклические поэмы (или их прообразы), как показали В. Кульман и другие неонаналитики, вообще древнее «Илиады»⁶², и эпизод с обменом дарами вписывается в эту более древнюю сюжетную линию. Таким образом, из-под VII песни «Илиады» выступает более древняя песнь, весьма самостоятельная, но составляющая звено в Троянском цикле. В самом деле, она явно введена в созданную отдельно «Илиаду» и чужда ей: позже оба героя не раз встречаются врагами, сражаются друг с другом и ни разу не вспоминают о поединке. Более того, в последующем Аякс даже выражает (в XIII. 79—80) пожелание когда-нибудь сразиться с Гектором один на один! Как будто этого не было⁶³!

Вот на какие мысли наводит место песни в контексте поэмы и характер обрамления поединка.

Но внутри этого обрамления рассказ о самом поединке выдержан вполне в духе типичных боевых сцен эпоса — вплоть до момента кульминации. А тут происходит опять нечто странное: Аякс поднял огромный «жерновный камень», швырнул им в Гектора, проломил щит насквозь и «ранил колена врагу (βλάψε δὲ οὐ φίλα γούναδ'); на хребет опрокинулся Гектор, сверху натиснут щитом; но внезапно воздвиг Приаида Феб, и тогда рукопашно мечами они б изрубались», и тут появились вестники и прекратили бой. Внезапное исцеление героя богом есть чудо, да еще очень бегло здесь описанное, а чудо способно отменить любые предшествующие события. И если в исходном варианте рассказа события развивались в неуютном поэту направлении, то божественное чудо есть простейший способ изменить ход событий.

Какое же событие, подлежавшее отмене, следует предположить в исходном варианте рассказа? Здесь внимание привлекает несоответствие места нанесения раны обстоятельствам ранения. Щит укрывает тело, поэтому, проломив его, Аякс должен был нанести рану в корпус, а не в колени, тем более что, упавши, Гектор был накрыт

⁵⁹ Leaf W. The Iliad. V. II. 2nd ed. L., 1900, comment., ad VII. 305.

⁶⁰ Johansen K. Friis. Ajas und Hektor. Ein vorhomerisches Heldenlied? (Historisk-filosofiske Meddelelser af det Kongel. Danske Videnskabernes selskab. Bd. 39. № 4). København, 1961.

⁶¹ Lorimer H. Homer and the monuments. L., 1950. P. 404; Kirk G.S. Objective dating criteria in Homer // Museum Helveticum. V. 17. 1960. P. 189—205.

⁶² Pestalozzi H. Die Achilleis als Quelle der Ilias. Erlenbach-Zürich, 1945; Kakridis J.Th. Homeric researches. Lund, 1949; Kullmann W. Die Quellen der Ilias. Wiesbaden, 1960.

⁶³ Johansen. Op. cit. S. 43.

щитом. По всему судя, первоначально Гектор был убит. «Жерновный камень» проломил щит, удар угодил в корпус, Гектор опрокинулся на спину, проломленный щит накрыл его сверху, и без чуда ожить и встать герой уже не мог. Откуда же ранение в колена? Но вспомним характерное греческое эпическое выражение «сломить колена» (ῥοῦνατ' ἔ λυσειν) — оно означает «убить» (ср. II. XI. 578; XII. 411; XV. 290; XVI. 425; XVII. 349). Трудно представить себе, что поэт, которому понадобилось переделать рассказ и оживить Гектора, не знал этого эпического выражения. Скорее, он знал, но просто слегка изменил его, превратив перифраз смерти в указание на рану. Это самая экономная переделка: соблюдена максимальная близость к прежнему тексту, а смысл новый и получен требуемый эффект — Гектор спасен.

В таком случае все обрамление поединка оказывается связанным с этой перестройкой исхода. Отсюда его искусственность. Отсюда назойливые напоминания, что Гектору еще не суждено умереть, что поединок наверняка окончится вничью (VII. 52—53, 118—119, 173—174). Даже ахейцы молят Зевса: «Равные им обоим и могущество даруй и славу!» (VII. 205). Поэту нужно было как можно прочнее связать внезапное чудо спасения с контекстом. По-видимому, эта обработка сделана еще до включения текста в «Илиаду», так как содержит несогласные с другими песнями «Илиады» места (о них пойдет речь чуть дальше). Образцом для обработки послужила песнь III. Это показано Кауэром: если в III. 76 Гектор радуется близкому и почетному концу войны, то в аналогичных стихах VII. 54 — непонятно чему; если обращение Гектора к врагам в песни III встречено естественно — камнями и стрелами, то в песни VII — спокойно (и это после нарушения троянцами договора) и т.д.⁶⁴

До внедрения этих изменений, до переработки Гектор погибал от рук Аякса, и роковые предчувствия Андромахи и Гектора из VI песни находили полное оправдание. Становится оправданным «злопамятство» подаренного Аяксу меча: этим мечом мертвый Гектор мстил своему убийце. Мотив такой посмертной мести через дары обычен в античной мифологии: вспомним смерть Геракла от ядовитой крови убитого им кентавра, подаренной тем в качестве лекарства жене Геракла. Становится понятным и первенство Аякса в пассажах VI песни — во вступлении (VI. 5), в речи Андромахи (VI. 436). Э. Бете считал, что в предчувствиях Андромахи губителем Гектора должен быть стать Ахилл, потому что это он, по словам Андромахи (VI. 414—428), погубил прежде всех ее родных; Гектор остался единственной опорой, и вот ему суждено погибнуть тоже... Напрашивается мысль: от рук Ахилла же⁶⁵.

П. Кауэр оспаривал это: ведь прямо Ахилл не назван⁶⁶. По мнению Кауэра, здесь соблюдаются условия удаления Ахилла от боя, и поэтому Ахилл не может быть назван прямо. Дело, однако, в том, что назван другой герой — Аякс. Об Ахилле же Агамемнон перед поединком говорит, что тот боится Гектора: с ним Ахилл «на славных мужам ратоборствах с страхом встречается» (VII. 113—114). Это совершенно не укладывается в те представления о соотношениях Гектора и Ахилла, которые проводятся в сценах встреч Гектора с Ахиллом и гибели от его рук: Гектор неоднократно бегал от Ахилла (IX. 352—355; XVIII. 302—303; XX. 375—380, 427, 449—450; XXII. 136—165). Не вяжется это и с «данайскими» песнями, где главный герой Диомед. Там, правда, Гектору Зевс велел избегать Аякса (XI. 542—543; XVII. 128—131, 140—178), но Аякс побаивался Гектора (XI. 544; XVII. 634—639). А уж о песни VI и говорить нечего. Еще А. Генц отмечал: «герой песни о Гекторе (он имел в виду песнь VI. — Л.К.) использован в нашем куске, чтобы прославить Аякса»⁶⁷.

Не ясно ли, что здесь перед нами из-под исправлений выступает другой вариант сказаний, так сказать, другая «Илиада», в которой все боятся Гектора, а вот Аякс его

⁶⁴ *Cauer. Op. cit. S. 616—619.*

⁶⁵ *Bethe. Hektors Abschied. S. 427, 432—434; idem. Homer. Bd I. Die Ilias. S. 244.*

⁶⁶ *Cauer. Op. cit. S. 572—573.*

⁶⁷ *Genz. Loc. cit.*

не испугался и в единоборстве победил. Убил «камнем жерновным». Такой смысл эпизода предполагал, хотя и без детализации, Н. Веклейн⁶⁸.

Этот первоначальный текст, несомненно, послужил основой и для эпизода схватки Гектора с Аяксом в XIV песни⁶⁹. Аякс ударил Гектора камнем «в грудь, чрез поверхность щита, поразил Приаида близ выи... Словно как дуб под ударом крушительным Зевса Кронида падает с корня, из древа разбитого вьется зловонный серный дым; ... так ниспровергалася быстро на прах Приаидова крепость. Дрот из руки полетел, на него навалился огромный щит и шелом...». Друзья вынесли Гектора с поля боя к реке и там орошали водой; герой был без сознания, из уст его лилася кровь (XIV. 402—439). Гектор позже сам рассказывает об этом: «Меня пред судами ахейян, их истреблявшего рать, поразил Теламонид могучий камнем в грудь и мою укротил кипящую храбрость. Я уже думал, что мертвых и мрачное царство Аида ныне увижу; уже испускал я дыхание жизни» (XV. 247—251). Его опять воскресил Аполлон. Здесь повторено много деталей эпизода единоборства VII песни: удар камнем через щит, герой повергнут, щит навалился сверху. Но место удара тут обозначено ясно: в грудь. Смертельный исход снят и здесь, но сравнение осталось от прежнего: дуб, разбитый крушительным ударом Зевса, из павшего дерева вьется зловонный серный дым...

6. *Эантита*. Дж.М.Эйтчисон подметил⁷⁰, что из гомеровских формул, падающих на вторую половину строки и содержащих имена разных героев, формулы с именами Аякс и Гектор метрически точно параллельны:

φαίδιμος ⁶¹ Εκτωρ 29	φαίδιμος Αίας 6
ὄβριμος ⁶² Εκτωρ 4	ἄλκιμος Αίας 2
κορυθαίολος ⁶³ Εκτωρ 25	Τελαμώνιος Αίας 10
μέγας κορυθαίολος ⁶⁴ Εκτωρ 12	μέγας Τελαμώνιος Αίας 12

Как проследил П. Кауэр, в «Илиаде» Гектор и Аякс восемь раз противостоят друг другу (в VIII песни, дважды в XIII, в XIV, XV, дважды в XVI и, наконец, в XVII песни), причем всякий раз, кроме двух встреч (в XIII и XVI песнях), это бой, а еще в одном месте (в XI песни) оба героя намеренно избегают встречи. Кауэр делает вывод, на мой взгляд, правильный, что их противостояние — старый, варьирующий сюжет⁷¹. Из всех боевых встреч Аякса с Гектором нет ни одной, в которой бы Гектор был победителем, а два боя окончились для Гектора явной неудачей, чтобы не сказать — гибелью. Более того, даже вне схваток, порознь, оба образа несут на себе следы заботливого и продуманного взаимного соотношения, в котором Аяксу обеспечено превосходство над Гектором: Гектор вооружен копьем в 11 локтей длины (VI. 319; VIII. 494), а корабельный шест, которым орудует Аякс, ровно вдвое превышает эту длину: в нем 22 локтя (XV. 676—677)⁷²! Даже образ Ахилла не поставлен в такую наглядную оппозицию к образу Гектора, с таким очевидным превосходством.

Как сказано выше, аналитики уже давно выделяли и объединяли песни «Илиады», названные здесь «сборно-ахейскими». Сто лет назад Э.Г. Мейер назвал этот блок песен Гектореей (он относил их к позднему пласту поэмы)⁷³. Гектореей называл эти песни И. Какридис⁷⁴. Нет, не Гектор был главным героем этого блока песен. Гектор был вторым. Прежде всего и больше всего в этих песнях воспевался Аякс.

Теперь, после выделения «сборно-ахейской» группы и расшифровки центральной части сцены поединка, ясно, что существовала эпонея, в которой главным ахейским героем был Аякс (*Эант*) Теламонид, и он противостоял Гектору, сражался с ним и в

⁶⁸ Wecklein N. Epikritisches zur Homerischen Frage (Sitzungsber. der Bayer. Akad. der Wiss. Philos. -philol. und hist. Kl. Jg. 1923. 6. Abhandlung). München, 1923. S. 23.

⁶⁹ Ibid. S. 11.

⁷⁰ Aitchison J.M. Τελαμώνιος Αίας and other patronyms // Glotta. V. XLII. 1964. Ht 3/4. P. 132—138.

⁷¹ Cauer. Op. cit. S. 263.

⁷² Ibid. S. 672.

⁷³ Meyer. Op. cit.

⁷⁴ Kakridis. Op. cit. P. 43.

конечном счете убивал его. Отрывки этой эпопеи, соответственно подправленные, вошли в песни VI и VII «Илиады» и дали основу для одного эпизода XIV песни. С этим комплексом как-то связана песнь III: на нее ориентирована обработка частей песни VII, обрамляющих поединок. В этой обработке Гектор ставится выше Ахилла, а Аякс — выше Гектора. Следовательно, обработка совершена еще до включения в нынешний контекст. А значит, и связь с III песнью предшествует включению. В нынешнюю «Илиаду» они вошли уже вместе. Наконец, возможно, что в реконструируемую эпопею входят песнь IV и часть II, также некоторые материалы XVII песни, а отдельные черты рассеяны и по другим песням.

Определить позицию этого противостояния Гектору в относительной хронологии «Илиады» нелегко. С одной стороны, есть данные в пользу того, что это была версия противостояния, вторичная по отношению к версии с Ахиллом. Глухие отзвуки первоначального значения Ахилла звучат в биографических напоминаниях Андромахи, а в речи Аякса сказано, что Ахилл из-за гнева на Агамемнона воздерживается от битвы (VII. 224—230). Возвеличивая Гектора, а тем самым и его победителя Аякса, Агамемнон мерой оценки избирает храбрость Ахилла: даже тот против Гектора выступает со страхом. С другой стороны, все это могут быть поздние вставки, сделанные уже после объединения версий. Кроме оценки Гектора с Аяксом выше Ахилла — эта возникла при переделке обрамления поединка, т.е. хоть и до объединения версий, но все-таки после сложения версии с Аяксом, на основе этой версии.

Общие же характеристики версии с Аяксом — ее оснащённость постоянными эпитетами «ахейцев» (и, следовательно, традиционность, фольклорность), наибольшее выступание в ней древней формы предлога *trōtī*, ведущая роль в ней древних героев Аякса и Александра — все эти характеристики говорят за то, что это и есть древнейшая версия.

В начале века Э. Бете высказал предположение, что некая эпопея о борьбе Гектора с Аяксом и легла в основу «Илиады»⁷⁵. Против такой формулировки этой идеи высказался П. Кауэр — и не без резона⁷⁶. Трудно говорить о какой-то «Илиаде» с Аяксом вместо Ахилла. «Илиадой» в нынешнем смысле эта эпопея, конечно, не была. Даже зародышем нынешней «Илиады» ее назвать неправомерно, ибо в ней не было ни сюжета нынешней поэмы, ни ее важнейших героев. Но можно ли определить эту древнейшую поэму (Эантиду, по главному герою) как пра-«Илиаду» хотя бы по месту и конечной цели действия? То есть принадлежала ли она к Троянскому циклу?

Гектор первоначально не был троянским героем. В отличие от Александра-Париса его нет среди исторических деятелей Илиона-Вилусы, фигурирующих в хеттских источниках. Имя его принадлежит к чисто греческим именам (ср. Нестор, Кастор, Актор) и означает «держатель». Так назывались царь VII в. на Хиосе и какой-то незначительный человек («раб божий», т.е., вероятно, храмовый служитель) в Кноссе XIII в. до н.э.⁷⁷ Вся семья Гектора (Андромаха, Астианакс) имеет прозрачные греческие имена, кроме Приама. Но родство Гектора с Приамом — позднее изобретение: в «Илиаде» патроним Приамид еще не успел срастись с именем Гектора в привычное сочетание⁷⁸. Приводилось много аргументов в пользу фиванского происхождения этого образа: культ и могила в Фивах, название «Фивы» в указании родины жены (хоть тут Фивы и перенесены в Малую Азию), соратник Гектора в песни XV Меланипп — тезка героя «Семерых против Фив», и т.п.⁷⁹ (П. Кауэр и Ф. Штэлин

⁷⁵ *Bethe E.* Die trojanischen Ausgrabungen und die Homerkritik // *Neue Jahrbücher für das klassische Altertum.* 1904. Bd 13. S. 1—11.

⁷⁶ *Cauer.* Op. cit. S. 263.

⁷⁷ *Ventris M., Chadwick J.* Documents in Mycenaean Greek. Cambr., 1956. P. 104; *Webster T.B.L.* From Mycenae to Homer. L., 1958. P. 152.

⁷⁸ *Клейн Л.С.* Илион и Троя. С. 113.

⁷⁹ *Dümmler F.* Hektor // *Studniczka F.* Kyrene. Lpz., 1890. S. 194—205; *Bethe E.* Thebanische Heldenlieder. Lpz., 1891. S. 145, 176 f.; *idem.* Homer. Bd III. Die Sage vom troischem Kriege. Lpz.-B., 1927. S. 79—81; *Sühlin F.* Das hypoplakische Theben, eine Sagenverschiebung bei Homer. Programm. München, 1967; *Cauer.* Op. cit. S. 256—259.

при этом имели в виду передвижку сказания в Малую Азию не из Фив беотийских, а из Фив фессалийских, но аргументов для этого недостаточно.)

Поскольку в конце концов герой оказался действующим в Малой Азии, да еще в троянском стане, возникает вопрос, каким ветром его туда занесло. В общей форме ответ на вопрос напрашивается сам собой: с движением греческих колонистов. Царское имя VII в. у греков Хиоса свидетельствует о таком продвижении. Поскольку же это был герой погибшего города, для певцов, которые воспевали победителей, он был побежденным врагом. Тем самым он был обречен на то, чтобы и в новых песнях оказаться во вражеском стане, а для греческого населения восточной окраины греческого мира легендарное падение Фив постепенно вытеснялось в эпосе более близким по местности падением Илиона. Ну а раз образ бытовал, оказывается, сначала в Греции, а затем в Малой Азии, раз Гектора знали в обеих местностях, с Аяксом он мог вступить в борьбу и там и тут — все зависит от локализации Аякса.

Аякс же и по тексту «Илиады» — человек в Троеде пришлый. По сказаниям Троянского цикла этот саламинский герой прибыл под Илион в числе греческих вождей, бывших женихов Елены, вступившихся за оскорбленного Менелая. Если не придавать этому мифу и связанной с ним легенде статус исторической хроники, правдиво излагающей реальные факты (этому нет ни исторических, ни археологических подтверждений), то нет оснований реконструировать реальный поход саламинского вождя под Илион. Попытки некоторых исследователей истолковать Каталог кораблей как пересказ исторической хроники или реалистического предания⁸⁰ потерпели неудачу и полностью опровергнуты⁸¹. Всерьез принимать их нельзя. Движение с Саламина на восток, конечно, было — на Кипр, где был основан город Саламин⁸², а под ним в царских погребениях обнаружена «афинская» (она может оказаться и островной саронической) керамика VII в. до н.э. Но под Илионом следов саламинских колоний нет.

Аякса могли бы направить под Трою афинские певцы, поскольку интерес Афин к проливам при Солоне и Писистрате известен, а Аякс, происходя с близлежащего острова, был афинским героем⁸³. Но последнее обстоятельство появилось значительно позже гомеровского времени, а интерес к проливам — во всяком случае позже формирования ранних песен «Илиады».

В «Илиаде» Аякс очень обособлен — не только сражается без собственного войска (нет отряда саламинских воинов, которые бы шли за ним), но и почти лишен корней. Его саламинскому происхождению уделено всего две строчки в Каталоге кораблей (II, 557—558) и пять — в песни VII (195—199), причем оба эти места — под большим подозрением у критиков. Пассаж из Каталога с древних времен (ср. Strabo. IX. 1. 10) приписывается то ли Солону, то ли Писистрату — как фальсификация в борьбе Афин с Мегарой за Саламин (в пассаже место Аякса указано за афинянами)⁸⁴. Текст из песни VII атегировали три древних авторитета — Зенодот, Аристоник и Аристофан, а часть его (со стиха 196) удаляет У. Виламовиц — как явную поправку⁸⁵.

⁸⁰ Allen Th.W. The Homeric Catalogue // JHS. 1910. V. 30. P. 292—322; *idem*. The Homeric Catalogue of ships. Oxf., 1921; Burr V. ΝΕΩΝ ΚΑΤΑΛΟΓΟΣ. Untersuchungen zum homerischen Schiffskatalog (Klio. Beiheft 49). Lpz., 1944; Page. Op. cit. P. 118—177; Гордезиани П.В. «Илиада» и вопросы истории и этногенеза древнейшего населения Эгеиды. Тбилиси, 1970 (на груз. яз.); Hope Simpson R., Lazenby J.F. The Catalogue of the ships in Homeric Iliad. Oxf., 1972.

⁸¹ Jachmann. Der homerische Schiffskatalog...; Giovannini. Op. cit.; Андреев Ю.В. Политическая география Гомеровской Греции (К вопросу о датировке «Каталога кораблей» в «Илиаде») // Древний Восток и античный мир. М., 1980. С. 128—151.

⁸² Борухович В.Г. Ахейская колонизация Кипра // Проблемы античной государственности. Л., 1982. С. 4—20.

⁸³ Kron U. Die zehn attischen Phylenheroen // Athenische Mitteilungen. Beiheft 5. 1956. S. 171—176.

⁸⁴ Hentze. Op. cit. Nr 1. 1877. S. 142—143. Возможно, вставкой является не весь пассаж, а только стих 558, который отсутствует в лучшей рукописи — Венецианском кодексе.

⁸⁵ Wilamowitz U. Homerische Untersuchungen. B., 1884. S. 244.

Позднее время увязки Аякса с Афинами подтверждается и изображениями. Тогда как в искусстве Пелопоннеса (Коринф, Аргос, Спарта) Аякс изображается с VII или даже с VIII в., в Афинах Аякс появляется, если не считать упомянутую ойнохойю с обменом дарами, только с VI в.⁸⁶, когда Аякс стал афинским героем. На Саламине же культ Аякса существует с раннего времени, близкого к гомеровскому, — сведения начиная с Гесиода (Hesiod. Theog. 1005. Fr. 100—102, 225 Rzach). Но был ли этот культ там и раньше, в догомеровские времена? Был ли он исконным на Саламине?

Для ответа на этот вопрос надо глубже исследовать образ Аякса, выявить его истоки. Но это тема для отдельной работы, которую я надеюсь незамедлительно представить. Тогда легче будет решать и вопрос о месте первого соприкосновения двух образов — Гектора и Аякса. Об очаге сложения Эантиды.

THE MOST ANCIENT SONGS OF THE ILIAS

L.S. Klein

There is a group of songs (II—IV, VI—VII) in the «Ilias», which after thorough analysis of synonymous names, has been defined as «The Achaean Collection». This group is considered to be a collection because its songs are not thematically linked. This group differs from the rest of the Achaean songs (i.e. songs with the adjective «Achaean» being the predominant term used to refer to the Greeks), by adding to this ethnonym a great number of adjectives, thus, using it as a more folkloric, and, by extension, a more ancient term. In fact, this group coincides with the ancient epos which was defined as part of the «Ilias» by analysts in the last century.

The content of these songs deviates from the thematic line of the «Ilias», containing elements of the basic thematic line of the Trojan epic cycle. The two songs about the duels of the heroes Paris and Menelaus (song III) and Hektor's duel with Ajax (song VII) are the backbone of the group. In the «Ilias» they were introduced together, but took place apart. However, until its inclusion in the poem, song VII was changed and became similar to the third. Its basic theme was the ancient motif of Hector dying by Ajax's hand, as an alternative to Hector being killed by Achilles. If the song about the duel between Paris and Menelaus is a part of the Trojan cycle, then the song about the duel between Hector and Ajax, goes back to another source, the «Aeantis».

⁸⁶ Moore M.B. Exekias and Telamonian Ajax // AJA. 1980. V. 84. P. 417—434; Shapiro H.A. Exekias, Ajax and Salamis. A further note // AJA. 1981. V. 85. P. 173—175.